

ЛЕГЕНДЫ ЧУЙСКОГО ТРАКТА

Большой красивый автобус, мягко покачнувшись, слегка притормозил на вираже, выждал, пропуская встречную машину, а потом легко, будто играючи, обошел грузовичок-холодильник с яркой надписью «Продукты Алтая» и устремился по серпантину, серебристой лентой бегущему по узкой полоске соснового бора между отвесами скальных круч и бурной горной рекой.

Экскурсовод поправил очки и, кашлянув в сторону от микрофона, продолжил:

- Таким образом, милейшие, река Катунь, вдоль которой мы с вами имеем честь совершать сегодняшнюю поездку, является не только одной из главных водных артерий Алтая, но именно по долине Катунь пролегают участки древней дороги, которая сегодня всем известна как Чуйский тракт.

- Святослав Роландович, - пожилая дама с трудом выговорила столь необычное сочетание имени и отчества экскурсовода, - скажите, а сколько лет Чуйскому тракту?

- Видите ли, ответ на этот вопрос не будет столь очевиден, - Святослав Роландович улыбнулся, - если говорить о Чуйском тракте, как об автомобильной дороге, то можно назвать даже точную дату её рождения: 26 мая 1922 года Чуйскому тракту был присвоен статус дороги государственного значения в пределах населенных пунктов Бийск – Ташанта.

Но, если иметь в виду, что Чуйский тракт, в прошлые столетия именовавшийся старой татарской или джунгарской дорогой, был караванной тропой, то можно с определенной долей уверенности утверждать, что еще караваны Великого Шелкового пути хаживали этими направлениями. Чуйский тракт являл собою одно из самых северных ответвлений великого маршрута. А это второй-четырнадцатый века нашей эры. То есть почти две тысячи лет прошло с первых караванов.

- Ого, - присвистнул подтянутый мужчина в спортивном костюме с благородной сединой и холеной блондинкой на соседнем кресле, - Это, наверное, самая старая дорога в России?

- Одна из старейших, и не только в России, а вообще в мире. Ведь был в истории Чуйского тракта и еще более древний этап – четыре-пять тысяч лет назад тракт являл собою миграционный и торговый путь, который соединял народы и царства, влиявшие на исторические судьбы всей Евразии!

- Прямо уж таки «всей Евразии»?! – ехидно хмыкнул мужчина в полном расцвете сил и тела, сидящий на последнем ряду автобуса.

- Не перебивайте экскурсовода! – компания женщин бальзаковского возраста возмущенно зашикала.

Святослав Роландович иронично блеснул линзами очков.

- Несомненно. А мы с вами, между тем, подъезжаем к рекреационной зоне «Бирюзовая Катунь». Здесь, согласно нашему расписанию, мы и останемся на ночевку. День сегодня жаркий, поэтому рекомендую всем сразу после расселения переодеться в купальные костюмы, и немедленно купаться – на «Бирюзовой Катунь» самый большой пляж в алтайских горах.

Пассажиры автобуса оживились.

- А на вечер были обещаны посиделки у костра, - вспомнил кто-то из туристов.

- Обязательно посидим. По такому моменту я расскажу вам несколько легенд о Чуйском тракте.

- Да-да! Вы уже сегодня нам про Кольку Снегирёва легенду рассказывали! - сверкнула синющими глазами улыбчивая конопатая девчонка. - Легенды – это так интересно, да, мам?

- С Чуйским трактом связано много легенд. Есть легенды и о том, как появилось на белом свете такое чудо, как наша знаменитая дорога... Но это вечером, у костра. А сейчас мы прибыли, и потому всех прошу на воздух!

Туристы разноцветной веселой шумной ватагой посыпались из красавца автобуса. Будто игрушечные, перед ними стояли дома туристической базы, построенные из оцилиндрованного бруса. Среди величественных сосен пролегали аккуратные дорожки, в тени на скамеечках отдыхали достопочтенные мамы, откуда-то тянуло ароматом шашлыка. А там внизу, ближе к реке, на берегу большого искусственного озера, кипела, бурлила, пицала, мазалась кремом и пестрела самыми невероятными цветами купальников пляжная жизнь!

Вечерняя прохлада скатилась с темнеющих силуэтов гор обильной росой, цвирканьем каких-то пташек в густом кустарнике и романтическим настроением.

Тем уютнее и притягательней играл бликами под крышей навеса костер. Вокруг, на сосновых чурках, стилизованных под табуретки, и на лавках из толстых струганных досок, расположились туристы. Пахло травяным чаем и свежими булочками.

Экскурсовод сидел прямо напротив очага, держа в руках горячую кружку, периодически дуя на чай и прихлебывая маленькими глотками ароматный напиток. Хотя сидячая поза и скрывала его рост, чувствовалось, что он достаточно высок. Несмотря на солидный возраст, ощущалась какая-то необычная энергетика в этом худощавом интеллигентном человеке, а пронзительный, слегка ироничный взгляд

сквозь стекла импозантных очков, выдавал в нем того, кто знает гораздо больше, чем рассказывает...

- Вы обещали нам легенды! - пожилая дама явно хотела вновь окунуться в мистические тайны Алтая и дожидаться не могла, когда основная масса экскурсантов напьётся чая и угомонится.

Святослав Роландович неторопливо отпил из свой кружки и отставил ее в сторону.

- Как я вам уже и говорил, милейшие, вокруг Чуйского тракта сложено множество легенд. Но почти никто не знает легенд о том, как появился Чуйский тракт. Помните, я рассказывал вам о разных исторических эпохах в жизни этой дороги. Так вот, и легенды, они тоже о разном времени. И первая легенда о самых древних временах...

ПУТЬ УЛЬГЕНЯ

Давным-давно это было – до начала времён. Людей ещё не было, а все звери и птицы говорили с богами на одном языке.

И горы, и леса, и реки тогда совсем по-другому выглядели. А среди зверей и птиц были и совсем диковинные, которых сейчас и нет вовсе.

А боги тогда летали, чтобы не ходить по земле, ибо, где встанет нога бога, там земля менялась навеки. Если бог в добром настроении – весел, да песни поёт, то там, где след его будет, родник целебный забьёт или цветы невиданные расцветут, или камни драгоценные рассыплются. А коли пойдёт смурным, то проклятым след его станет – в том месте травы ядовитые полезут, духи злобные поселятся или ещё нечисть какая.

Вот и летали боги, чтобы зря не следить.

А однажды поручил Всевышний всем богам сделать невидаль – человека и принести к названному сроку. И каждый бог слепил человека из того, что было у него под руками: кто из травы степной да ветра горячего; кто из воды родниковой, деревьев и трав лесных; кто из камней да льдов белоснежных.

И понесли боги свои творения к Всевышнему, и каждый бог шёл и гордился, какой человек у него замечательный получился.

Принесли и поставили пред Всевышним. А люди у них совсем разные вышли: один человек мал как заяц, другой велик, как дерево. Один быстр как молния, другой неподвижен, как скала. Один болтлив, как весенний ручей, а другой тугоречив, как жижа болотная...

Посмотрел на всё это разнообразие Всевышний и рассмеялся. Собрал он всех людей в свою ладонь и перемешал в один ком, а затем разделил его на равные части

по числу богов, что стояли перед ним. И сказал богам лепить людей, да за образ взять его – Всевышнего. А когда каждый из богов, в силу умения своего, вылепил по человеку, то указал Всевышний богам отделить часть себя и дать человеку, чтобы жизнь вдохнуть. Тут один бог был щедр – половину себя добавил в своего человека, другой – пожалел и не стал многого отдавать, а бог подземного мира Тартар и вовсе один свой ноготок на человека пустил.

Получились у всех богов люди опять разные, но всё равно, все обликом на Всевышнего походили.

Взял тогда Всевышний всех людей и поцеловал каждого, и вдохнул своим поцелуем в них душу, чтобы отличались люди от зверей и птиц, и прочих живых созданий, и чтобы помнили они о том, что в каждом из них часть божественная есть.

Забрали боги каждый своего человека и отправились прежней дорогой обратно.

Бог Один шёл довольный, ведь человек у него сильный и крепкий получился, и потому в следах его вставали скалы каменные, да озера синие. Подземный же бог Тартар шёл злой и недовольный, ибо человек у него получился кривой, жадный да злобный. Видел он, как другие боги над ним посмеивались, и затаил обиду и злобу на Всевышнего, и особенно на Ульгенья, потому как у Ульгенья человек вышел с открытым сердцем, смелый и чистый, ведь не пожалел половину себя для человека Ульгень.

И от того что хорошее настроение было у Ульгенья, шёл он, да песни вместе с ветрами напевал. И поднимались в следах его травы целебные, деревья до неба стремящиеся. А как на камни ступал, так брызгали из под ног его руды железные, да каменья разноцветные. А где спрыгивал Ульгень с высоких холмов вниз, то в его следах озера с живою водою наполнялись. А песни Ульгенья сплелись с ветрами звонкими и упали на землю могучими реками и заструились эти реки вдоль его пути...

Много времени с тех пор прошло. Какие-то пути богов исчезли уже – заросли травой, да затянулись болотами. Каких-то путей, до сих пор, и человек и зверь опасаются, бродят по ним лишь страхи, да мороки. По другим путям богов люди свои дороги проложили. А какие-то, самые заветные, скрыты от людей, чтобы до поры, до времени, не знал о них никто.

Так и главная дорога Алтая – путь Ульгенья, тысячи лет то открывалась людям, то исчезала во тьме веков, ибо должны были люди заслужить право ходить следами щедрого бога...

Окна автобуса по просьбам пассажиров были открыты, и теплый ветер врывался внутрь, трепал шторы, принося запахи нагретой хвои, полыни и горячего асфальта, создавая неповторимый аромат путешествия и дороги.

Салон автобуса напоминал филиал придорожной ярмарки: сувениры всех мастей, травяные сборы, четки, обереги, кожаные и деревянные поделки, баночки мёда всех размеров демонстрировались друг другу с гордостью добытчиков. Где-то тренькал камуз, синеглазая девчушка старательно выдувала из расписной глиняной свистульки только ей понятную мелодию, обладатель расцвета сил и тела любовно перебирал бутылки с ароматной алтайской медовухой, пожилая дама разглядывала браслет с амулетами, поблескивающий на ее запястье, компания бальзаковских женщин с вдохновением обсуждала какие-то книжки о просветлении и космических энергиях.

Святослав Роландович задумчиво поглядывал в окно на проплывающие мимо великолепные панорамы, но, казалось, совсем не замечал красоты открывающихся картин. Насыщенный экскурсионный день близился к своему завершению.

- Ценен каждый миг, - негромко произнес Святослав Роландович, возвращаясь из своих дум к реальности. Мелькнувшие через окно автобуса солнечные лучи блеснули значком на лацкане приличного, но несколько старомодного пиджака. На значке был изображён угольник солнечных часов с отбрасываемой тенью и надписью на латыни «Una tibi».

- Что же, друзья мои, - экскурсовод вновь поднял микрофон. Шум голосов и шуршание пакетов стихли, будто по мановению волшебной палочки. - Сегодня мы с вами имели возможность воочию убедиться в красоте и величии нашей знаменитой дороги. Как вам впечатления от Чуйского тракта?

- Прекрасно!.. Красота необыкновенная!.. Шикарно! Очень здорово! – наперебой загалдели туристы.

- Знаете, - мужчина в спортивном костюме с сединой и блондинкой как-то неожиданно серьезно вклинился в преимущественно женские «охи и ахи», - Вот сегодня меня прямо поразила природа вокруг – какая-то она такая древняя, такая настоящая, какая-то этническая, что ли. Я смотрел, а у меня в голове как будто старинная музыка играла.

- Да-да, невероятная энергетика! - активно поддержали тему бальзаковские женщины.

- Словно на машине времени путешествовали.

- Машины времени не бывает! – авторитетно заявила синеглазая девчушка.

- Машины времени может и не бывает. - Святослав Роландович согласно кивнул головой, - А вот дорога времени, по моему мнению, существует. Это и есть –

Чуйский тракт. Он соединяет не только пространства, но и времена. Времена сегодняшние с седыми годами бытности здесь племен ойротов, джунгар, гуннов, монголов...

- Вы, кстати, обещали рассказать о том, каким был Чуйский тракт в то время, - молодая полноватая мама синеглазки посадила дочку к себе на колени.

- Ну, тогда, ещё как такового, тракта не существовало – был путь, - Святослав Роландович блеснул линзами дорогих очков, - его называли Дорогой тысячи стрел, о чем и повествует одна старинная красивая легенда...

ДОРОГА ТЫСЯЧИ СТРЕЛ

Давно это было. Давнее давнего. Жил на Алтае смелый и гордый народ – Ойроты. Много поколений минуло с той поры, как ступил первый сын Алтая на его священную землю. И много поколений будет ещё...

Родился у одного охотника сын. А до того, было у него уже четыре дочери. И так был счастлив охотник рождению мальчика, что назвал его Ырысту, что значит Счастливчик. С малых лет брал отец Ырысту с собой везде – и на охоту, и скот в верхние долины перегонять, и шишку кедровую бить, и маралов загонять. Старательным рос Ырысту, но более всего получалось у него следы зверей и людей видеть, за что он, с годами, и получил прозвище Следопыт.

Как-то раз, близ могольских степей, выслеживал Ырысту красного волка. День за днём шёл он по следам зверя и, спустившись под вечер к озеру, увидел на водопое множество следов подкованных копыт. Так коней подковывали только степные кочевники, но что они здесь делали, да еще и в таком числе?!... Недоброе предчувствие закралось в сердце ойрота, и пустил он коня по следам. К ночи увидел он впереди огни сотен костров. Привязав коня, прокрался молодой охотник в стан к кочевникам. Поражен был Ырысту – тысячи, тысячи воинов толклись у костров и явно собирались они в набег: тетивы боевых луков тянули, и мечи, да туканы точили.

Пользуясь темнотой безлунной ночи, подобрался Следопыт ближе к кострам и услышал он, о чём говорят кочевники: хан Морох собрал многотысячное войско, чтобы пойти на землю Алтая и забрать у ойротов главную их святыню – Золотую бабу, богиню плодородия и достатка, благоволением своим одаривающую землю алтайскую, и потому и леса тут богаты, стада тучны, железо звонко и золото нескончаемо. И вот, орда ждёт хана, который с шаманом уехал на кам, злобным духам дары повёз.

Выбрался Ырысту из стана кочевников и, что было духу, пустился, не жалея коня. А пока скакал, понял, что не собрать в считанные дни ойротам по всем горам

такой армии, чтобы остановить орду хана. А если ему мчаться в святилище Золотой бабы, чтобы упредить охрану, то придется ехать от могольских степей до слияния великих рек Бий и Кадын, туда, где рождается мать всех рек Ооб-Ва – священная река, где и стоит святилище богини. По широким долинам придется скакать, а там кочевники на своих выносливых лошадях могут и нагнать вестника!..

Не знал, что делать Ырысту. И тогда поехал он к мудрейшей из мудрых, старой женщине по имени Алтын-Ай. Она была так стара, что старики говорили, что им еще их старики говорили, а им их старики, что когда они ещё детьми бегали, она уже стара была.

Примчался к ней Следопыт, с поклоном и дарами прошёл в аил и поведал о надвигающейся беде.

Задымила трубкой Алтын-Ай, а потом неожиданно ясными глазами посмотрела на юношу.

- Скачи к Золотой бабе, упреди охрану, пусть перепрячут, - молвила Алтын-Ай.

- Нагонят меня в долинах, - пригорюнился Ырысту.

- А ты через горы скачи.

- Разве есть там конный путь, - удивился охотник, - Конечно, сказки мне такие в детстве рассказывали...

- Есть, - Алтын-Ай вновь затянулась трубкой и выпустила облако густого дыма.

- Вот если бы показал кто, - Ырысту горестно качнул головой, - Да не слышал я о человеке, который знает такой путь.

- Да. – Алтын-Ай с трудом поднялась на ноги и проковыляла в глубину аила, - Такого человека нет. Но есть вот это. – И она протянула юноше сухую кедровую веточку.

- Что это? – Ырысту удивленно повертел в руках ветку.

- Стрела Ульгения, - Алтын-Ай медленно опустила на прежнее место.

- Что?! Этот прутик и есть легендарная золотая стрела Ульгения? – Следопыт насмешливо присвистнул.

Старуха грозно сверкнула глазами из под седых бровей. В голосе её неожиданно пропал старческий треск, зазвенел металл, казалось, эхо звоном мечей и подков наполнило древний аил.

- А ты думал, что она будет прямо как золотая стрела?! Да тогда каждый бы догадался! Скачи немедля к железному луку, натягивай тетиву и стреляй на северную звезду. Когда стрела упадет, то сиять будет золотом ярче солнца. Как поднимешь её – снова стреляй на север. Так и будет вести тебя стрела древним

путём Ульгения! – голос Алтын-Ай вновь стал угасать и превращаться в старческий силый треск. – Торопись... А я отдохну пока, устала я...

- Как же я железный лук натяну?! Его уже сотни лет никто натянуть не может!

- Ветер. Ветер тебе поможет, - Старая женщина медленно опустилась на лежанку, поджала под себя ноги, и укрылась войлочным одеялом. – Стань спиной к ветру, он тебя под локоть и подтолкнёт... Да скачи же ты! – Она облегченно вздохнула, будто бы свалила с себя тяжкий груз. – А я отдохну, а то устала очень... отдохну...

Голос Алтын-Ай затих, она еще что-то невнятно пробормотала и заснула.

Ырысту вышел, вскочил на коня, и, сжимая в руке кедровую ветку, данную старухой, что есть силы помчался в самое сердце Чойской степи, туда, где стоял аил легендарного богатыря Сартакная и хранился его железный лук, на который вот уже многие поколения батыры пытаются натянуть тетиву, да не выходит ни у кого. Лук этот, по преданию, бьёт в два раза дальше, чем самый лучший лук. А самые лучшие луки бьют на шестьсот шагов...

К рассвету Ырысту добрался до аила Сартакная. Упёр он легендарный лук одной излучиной в землю, уперся в другую всем весом, все силы свои напруг, тянет тетиву, вот-вот, ну, почти, самой малости не хватает! И один, и другой раз пытается Ырысту, но где там!.. Взмок уже молодой батыр, а всё без толку. С первыми лучами солнца подул свежий ветер с гор. Вспомнил Следопыт слова Алтын-Ай, повернулся спиной к ветру и изо всех сил уперся в лук и потянул тетиву. Тянет-тянет, ну вот всего с волосок не хватает, чтобы накинуть петлю тетивы, но никак. И вдруг ветер толкнул Ырысту под локоть, будто кто-то рукой поднажал! И зазвенел лук железный новой тетивой!

Взял юноша лук наизготовку, и только прикоснулся к тетиве веточкой кедровой, как раздался звон, будто ударили по медному котлу, и превратилась веточка в золотую стрелу тонкой работы.

Встал Ырысту лицом на север, прицелился в почти растаявшую в предрассветных лучах северную звезду, натянул тетиву... И загудел вокруг него ветер, закружил, поднимая пыль. И отпустил стрелу в полёт Следопыт. Раздался гул, ветер щелкнул бичом, обдало Ырысту пылью и песком, и утихло всё. А стрела, мелькнув падающей звездой на рассветном небосклоне, исчезла вдали.

Утёр пот и пыль с лица батыр. Вдруг видит, далеко-далеко в степи засияла золотая звездочка ярче края солнца, что появилось над горизонтом. Закинул он железный лук на спину, вскочил на коня и помчался на её свет. Проскакав в два раза больше, чем самый лучший лук бьёт, увидел он стрелу золотую, воткнувшуюся в большой камень. Спешившись, ухватил Следопыт стрелу двумя руками и потянул

на себя. Легко выскочила стрела из камня, только брызги золотые разлетелись вокруг и превратились в самородки золота. Но не до них сейчас было Ырысту. Ведь увидел он, как со стороны могольских степей поднимаются черные пыльные тучи от копыт тысяч и тысяч боевых коней. Орда вышла в свой разбойничий набег!

Вновь натянул он лук, и вновь закружил вокруг ветер. Вновь выстрелил охотник на север, и вновь стрела, сияя ярче солнца, указала ему путь. Так и мчался Ырысту и днём и ночью. И вроде знал он многие места, но не видел раньше, где можно на коне пройти, а сейчас, как будто распрямлялись перед его конём увалы и кряжи горные, расступались камни, реки обнажали броды.

А те места, куда попадала стрела, дивили молодого охотника. Если рядом бил родник, то вода его целебная возвращала силы. Если в дерево попадала, то в кедр могучий с отборным орехом. Если в землю вонзалась, то в травы душистые и изобиловало всё кругом ягодами, да грибами. А если в камень попадала стрела, то разлетались в стороны самородки золотые или камни драгоценные.

А раз на дно прозрачного озера упала стрела и светила со дна звездой золотой. Нырнул за ней Ырысту, а когда вышел на берег, то увидел, что все раны и ссадины исчезли без следа, и сил стало полно, будто и не мчал дни напролёт без сна и отдыха. Тогда и коня своего искупал охотник. И вновь за лук взялся.

Так показывала стрела Следопыту тайный путь, по которому сам Ульгень ходил в древние времена, а где вставала нога бога, там до сих пор чудеса всякие происходят.

Тысячу стрел выпустил Ырысту, дюжину перчаток о тетиву истёр, пять раз новую тетиву натягивал, но успел! Примчался к месту рождения священной реки Ооб-Ва, в святилище Золотой бабы, и предупредил стражу о надвигающейся туче. Успели батыры, что охраняли святилище, увезти в укромное место все дары, кои тысячи лет все окружающие племена и народы подносили богине и саму Золотую бабу увезли. Надежно спрятали. Куда? Никто не знает. А кто знает – не скажет.

Когда Ырысту последнюю стрелу в сторону святилища выпустил, то угодила стрела прямо в то место, где воды Бия и Кадын сливались, рождая священную Ооб-Ва. Упала стрела в реку и не светилась больше. И тетива последняя порвалась. Решил тогда охотник, что нужно железный лук обратно в аил Сартакная везти. И, чтобы, с разъярённым пропажей Золотой бабы, ханом Морохом и всей его ордой не встретиться, поехал он обратно тем же путем, что и сюда мчался.

Следопыт он был знатный, потому по своим следам нашёл обратную дорогу. По пути набрал самородков золотых, камней драгоценных и много других подарков для Алтын-Ай. Отвёз лук железный в аил Сартакная и приехал поклониться мудрой

женщине. Но не суждено было ему увидеть её, потому как ушла она в мир духов. Видно выполнила своё предназначение старая женщина.

С тех пор каждый ойрот почитал за честь пригласить Ырысту в свой дом, напоить крепким чаем или забористым кумысом, угостить ароматной лепешкой или просто выкурить трубку, чтобы услышать рассказ о мудрой женщине и о волшебной стреле.

А по следам Ырысту потом и другие ездить стали. Так появилась конная дорога, что соединила исток священной Ооб-Ва и могольские степи. Дорога длиною в тысячу стрел, тысячу золотых стрел Ульгена.

Следующий день подарил прохладу и свежесть горного утра, что было особенно приятным после предыдущих жарких дней. Плотный туман седыми струями скатился с залесенных склонов и замер на берегу горного озера, будто боясь дотронуться до воды. Затем, сначала робко, потом все более уверенно, клубы тумана поплыли над водой, размывая очертания берегов и крошечного островка, с притулившейся на нем маленькой беседкой. Постепенно туман заполнил всю озерную котловину, превратив ее в загадочное нагромождение белесых полос, из которых, словно пики сказочных замков, выступали вершины прибрежных сосен.

Но собравшиеся тучки не дали застыть сложившейся картине – крапнул не сильный, но достаточно плотный дождик, разогнавший туман и утренних любителей прогулок и пробежек. Зато в сыром воздухе запахи свежего кофе и блинчиков стали только ярче и аппетитнее.

- Ранний гость – до обеда, - буркнул себе под нос Святослав Роландович и уложил свой дождевик в кожаный саквояж.

Туристы лениво рассаживались в автобус – явно никому не хотелось уезжать. Последними к автобусу прибежала молодая парочка. Промокшие, но счастливые – они умудрились устроить себе романтическую фотосессию на фоне того, как струи дождя рисуют узоры на глади горного озера.

- Это будет наша айская коллекция! - девушка, не вытершись толком от дождевых капель, нетерпеливо пролистывала кадры на фотоаппарате.

- Какое смешное название у озера – Ая! - девчонка-синеглазка с измазанными вареньем губами вертелась у маминых колен и с аппетитом уминала фаршированный блинчик.

- Варвара! - молодая мамаша безрезультатно пыталась вытереть девчонке лицо платочком, - нет, ну, ты, посмотри на себя, ты же вся извозилась! Ну, кто тебе на завтраке-то есть не давал!

- Ая, в переводе значит «луна». – Святослав Роландович подмигнул девочке, - И вчера, между прочим, все ходили смотреть на отражение луны в глади озера, а некоторые юные барышни уже пятый сон видели.

- Ну и что, мне, зато, мама вон что купила, - заляпанными пальчиками синеглазка Варвара оттянула бусы из ярких камушков на своей шее.

- Грязнуля моя, иди сюда, - мама подняла девочку на колени и принялась вытирать ее лицо, рот и руки платком.

Миновав красивый новый мост через Катунь, автобус выехал на большую автостраду.

- Мы снова едем по Чуйскому тракту?

- Конечно, ведь он – главная транспортная артерия Алтая, - экскурсовод занял привычное положение – в пол оборота на первом сиденье, - Двести-триста лет назад это была не одна дорога, а ряд путей в одном направлении. И в зависимости от погоды, состояния перевалов и дружбы с теми или иными племенами, купцы выбирали, где им ехать.

- А чем тут купцы торговать-то могли? – пассажир в расцвете сил и тела явно вчера переусердствовал с медовухой и поутру был хмур.

- Меха, качественное алтайское железо, ткани, китайский фарфор и, конечно же, чай – немало было товаров для торговли. Бийские купцы, которых, по названию тракта, именовали купцами-чуйцами, слыли весьма состоятельными. Поэтому в городе Бийске и появился, сохранившийся до сих пор, ансамбль старинной архитектуры.

- Ой, а мы всегда через Бийск проезжали и даже не знали этого! – бальзаковские женщины активно заперезживали, - А мы заедем посмотреть на старинные здания?

- Конечно, и заглянем заодно в Бийский краеведческий музей, где собраны уникальные коллекции того самого китайского фарфора бийских купцов и настоящих бубнов алтайских шаманов.

Мужчина с сединой и блондинкой поднял руку:

- Скажите, Святослав Роландович, как так получается: раз они были богатыми, значит и оборот товаров был большим, но для этого же нужна дорога, чтобы телега прошла, а не просто караванная тропа, о которой вы нам рассказывали?

- Вы весьма проницательны, мой друг! И на эту тему как раз есть легенда о том, как Чуйский тракт из караванной тропы превратился в дорогу...

ЛЕГЕНДА О ЧУЙСКОЙ ДОРОГЕ

Давно это было. Ещё когда старики Чуйскую вьючную тропу старой джунгарской называли.

Жил тогда в городе Бийске купец по фамилии Валенёв Алексей Данилович. Родом он был из простых крестьян. Ещё отроком пошёл на службу к одному крепкому купцу, что вёл дела по Чуйской вьючной тропе в Монголии. Из мальчишки на побегушках, имея ум сообразительный и острый, дослужился он до «правой руки» купца – ведал всей его торговлей в Монголии, а затем и своё дело открыл.

К той поре, о которой рассказ сей пойдёт, был уже Алексей Данилович купцом основательным, дом имел в Бийске красивый, двухэтажный, красного кирпича. Вёл торговлю в Монголии богатую, и даже в Китай ходил с караванами. Возил он из Китая товары такие, коих ни у кого не было: диковинные статуэтки, что бурханами зовутся, вазы и фарфоры расписные, шелка редкой красоты.

Было у Валенёва два сына, да дочка младшая – самая любимая. Выросла она красавицей, пришла пора её замуж отдавать, а тут, кстати, и жених достойный подобрался – из казаков. Как и положено, порешили свадебку сыграть по осени, на Покров Пресвятой Богородицы.

Ну, а с весны собрался Алексей Данилович сходить караваном в дальний Китай – и деньжат наторговать и дочери к свадьбе подарок необычный привезти. Долгие проводы – лишние слёзы: тюки вьючные упаковал, лошадей запряг, поцеловал жену с дочерью, и в путь. А дочка ему в петлицу кафтана-чуйки цветок пиона дикого приладила, они как раз только зацвели тогда.

И пошёл караван по чуйской вьючной тропе, её ещё старой джунгарской дорогой называли. Ох, и не проста была та дорога! Мало было мест на ней ровных да гладких, а вот острых камней, да крутых перевалов – хоть отбавляй. А особо опасными были скальные прижимы, где с одной стороны – скала цельная, с другой – обрыв в пропасть. И узкая тропка, где лошадь с навьюченными тюками едва-едва, пройти может. А потом бескрайние пустынные степи Монголии, где караван от озера к озеру идёт, от родника к роднику. И холод, и ветер, и пыль, и песок.

А цветок пиона, что дочь любимая в дорогу дала, сохранил Алексей Данилович, как оберег на дальний, да опасный путь – засушил и в карман на груди припрятал.

Долго ли, коротко ли, без малого три тыщи вёрст шёл караван бийского купца, пока не добрался во внутренний Китай. И там, в городе Ланьчжоу, устроил Алексей Данилович своё представительство торговое. Дела пошли бойко, потому как, Валенёв разумел китайский язык и одежами пользовался китайскими, чем немало удивлял местных и располагал их к себе.

А пока торговля шла, ходил он по нескончаемым китайским лавкам да базарам – всё искал особенный подарок на свадьбу дочери любимой. И однажды увидел он, как белошвейка китайская из шёлку чудные цветы мастерит. Никогда ранее не видал русский купец такой удивительной работы: цветы, словно живые, распускались в руках мастерицы. Заказал у неё Алексей Данилович платье свадебное для дочери своей. И чтобы расшито платье было цветами шёлковыми снизу доверху. И ещё для образца отдал он мастерице цветов, что дочь ему подарила.

Всё бы хорошо, да вот беда – кроме этой китаянки, никто более в округе, не умел такие цветы из шёлка шить, а она, в одну пару рук, не могла быстро работу закончить. День, да через день, проводывал её Валенёв. Уже и все товары свои распродал, и для поездки домой всё, что нужно, закупил. Уже и тюки запаковал, а белошвейка ещё не закончила платье для дочери цветами чудными расшивать. Понимал Алексей Данилович – запоздай он с выездом ещё немного и пиши пропало – не успеет до свадьбы дочери вернуться...

Но люди наши всегда своей смекалкой славились. Увидел как-то Валенёв в китайской кузнице телеги чудные: колёса большие, железом окованные, а сами повозки узкие – пяти локтей. И смекнул Алексей Данилович, что если сделать телегу шириной с лошадь, навьюченную тюками, чтобы по узким горным тропам проходила, то запрягая одну лошадь, а другую ведя в поводу, чтобы отдыхала, можно весь светлый день идти.

Купил он у местных кузнецов таких телег и заказал, чтобы телеги они пополам пилили, новые боковины мастерили, да колёса железом окованные ставили. В помощь кузнецам китайским всех своих караванчиков подрядил. Трудились они денно и нощно, за неделю и управились. А к этому времени и белошвейка платье закончила. Ох, и чудное платье вышло, всё в цветах шёлковых: поверху пионами степными, а подол дивными китайскими цветами, расшито.

Снарядил свой караван Алексей Данилович, да в путь! От света до темна, каждый день шёл караван, лошадей запряжных меняя. Сквозь бури пыльные, степи пустынные, по перевалам крутым, прижимаю отвесным, через броды опасные, по камням острым. Но сдюжили. И телеги не развалились, и лошади не попадали. Аккурат за три дня до Покрова Пресвятой Богородицы в Бийск вернулся купец Валенёв со своим караваном.

А какую свадебку широкую отпраздновали – любо дорого! Яствами и приправами необычайными гостей угощали, винами, да водками заграничными потчевали, а сколько каблучков в танцах посбивали! Подарки молодым были дорогие да редкие – и посуда фарфору тонкого, и отрезы шелков многоцветных, и пряности изысканные. Ну, а уж какая была невеста красивая в своём платье из цветов

небывалых – вообще не описать. По всей губернии было не сыскать невесты краше!..

В ту пору собрались другие бийские купцы в Монголию в зиму: по осени добраться до Чуйской степи, там зазимовать, а уже весной вглубь Монголии ехать. Шли они караваном вьючным, да дивились – что за следы тележные на конном пути?! Тут один молодой купец вспомнил, что на свадьбе у Валенёва видал во дворе телеги уже обычных в два раза и слышал рассказ о том, как его караван из Китая, по вьючной тропе, тележным ходом добирался.

Встали тогда купцы в первой же большой деревне, где кузнец хороший был, купили все добротные телеги, пополам их попилили, колёса железом оковали...

С тех пор и начали караваны торговые на специальных телегах грузы возить. С годами, вручную, мало-помалу, Чуйскую дорогу, что старики старой джунгарской называли, расширили в узких местах. Из камней плотно дорожное выложили. И стала Чуйская тропа настоящим трактом проездным.

И по сей день внимательный путник, нет-нет, да увидит на повороте над скальной кручей аккуратно сложенные камни, что ещё деды наших дедов своими руками выкладывали: строили самую главную дорогу Алтая – Чуйский тракт.

- Мама, мама, а мы видели вчера, как дорога из камушков сложена, помнишь мама! – оживилась синеглазка.

- Да, моя маленькая, представь, как люди трудились, чтобы такую дорогу построить!

- Послушайте, Святослав Роландович, - пожилая дама приподнялась со своего места, - ведь действительно, у Чуйского тракта такая история, в ней столько страниц легендарных, загадочных, трагических и, наоборот, светлых – такая дорога достойна своего музея!

- Он есть. - Святослав Роландович широко улыбнулся, - И мы сегодня в нём побываем. Единственный в России музей, посвященный одной дороге – это музей Чуйского тракта в Бийске.

- Еще надо в Сростках остановиться на родине Василия Макаровича Шукшина, - вставили своё пожелание бальзаковские дамы!

- Да-да, там базарчик неплохой, - оживился кто-то в салоне автобуса.

- Еще можно к шаману в Полеводку заехать!

- А в Бийске на памятник Петру Первому посмотреть!

Предложения посыпались, как из рога изобилия.

Святослав Роландович, улыбнувшись, кивнул и перевел взгляд в окно.

Ветер разогнал утренние тучи и пустил по небесной бирюзе белоснежные хороводы облаков. Гордая красавица река Катунь, вырвавшись из скальных берегов, разлилась по зеленым долинам. Сквозь перелески виднелись холмы и поля, покрытые легкой позолотой начинающей спеть пшеницы. Деревни с названиями, словно взятыми из сказок, сменяли одна другую. И всё это, будто бусины, было нанизано на нить древней дороги, пришедшей из глубины веков, и, хоть и одетой в современный асфальт, но сохранившей в себе пение колес старинных телег, звон лошадиных подков, и увесистую поступь верблюдов... Дороги, соединяющей не только расстояния, но и времена – легендарного Чуйского тракта.

Автор: Руслан Емельянов

Соавтор образа экскурсовода: Дмитрий Ерошкин

Соавтор идеи легенды «Дорога тысячи стрел»: Артём Игнатенко

Редактор текста: Елена Ефанова

Использованы материалы Сергея Исупова, Дмитрия Ерошкина и

Бийского краеведческого музея имени В.В. Бианки